

УДК 821.161.1-:929(092)

doi 10.17072/2219-3111-2020-4-16-25

АВТОРСТВО КАК «ДОСТИЖЕНИЕ РАБОЧЕГО ЧЕЛОВЕКА» В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ КНИГАХ УРАЛЬСКИХ РАБОЧИХ 1930-Х ГОДОВ¹

М. А. Литовская, Ю. С. Подлубнова

Институт истории и археологии УрО РАН, 620108, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16

marialiter@gmail.com

tristia@yandex.ru

Анализируется феномен автора-рабочего, обратившегося к литературному творчеству и создавшему художественную автобиографию, в которой противопоставлены условия жизни пролетария до и после революции 1917 г. Рассмотрен историко-литературный контекст, в частности, работа УралАПП, предопределившая создание романов «Я люблю» А. Авдеенко (1933) и «Моя жизнь» А. Коревановой (1936), повести «Моя школа» А. Бондина (1934), книги воспоминаний рабочих Высокогорского железного рудника «Были горы Высокой» (1935). Отмечена роль М. Горького в окончательной отделке и публикации этих произведений. В 1930-е гг. М. Горький неоднократно предпринимал попытки найти истоки перерождения человека под влиянием новых условий жизни. Институционально это вылилось в создание ряда автобиографических книг, «по определению М. Горького, документов истории», авторы которых призваны продемонстрировать появление нового субъекта – пролетария-писателя. Автобиографический герой, наделенный стремлением к культуре, выходит из «темноты», важнейшей составляющей которой является собственно существование его как пролетария. Однако именно чтение, затем и письмо изображаются как главный результат «ударной работы» автора и государства, предоставившего субъекту возможность освоить сложную форму самопредъявления – развернутую автобиографию. Пролетарий, став автором опубликованной книги, кардинально меняет свой социальный статус – занимает высшее место в символической иерархии профессий наряду с прежними «хозяевами» письменной культуры. Он создает тексты, из которых редакторы удаляют следы авторской некультурности, не владения словом, при этом сохраняя фабулу рассказа о том, что некультурность присутствовала, но была преодолена.

Ключевые слова: советская литература, литературный процесс на Урале, документально-художественный этотекст, М. Горький, А. Авдеенко, А. Кореванова, А. Бондин, «Были горы Высокой».

В советском государстве, объявившем непосредственное участие пролетариев в культурном строительстве одним из важнейших показателей преобразования общества, появление авторов-рабочих в разных видах искусства, в частности, пролетарских писателей, было необходимо. К моменту революций 1917 г. рабочие были довольно слабо представлены в литературе даже в качестве героев, отчасти потому, что суждения о духовной жизни пролетариев основывались скорее на здравом смысле или экономических и политических доктринах. Публичных интеллектуалов эта группа не порождала, тексты от имени пролетариев и для пролетариев создавали преимущественно профессиональные революционеры из интеллигенции. Коллективные сборники авторов-рабочих вызывали даже у сочувственно настроенной критики умеренный интерес [Фатющенко, 2008, с. 87–95].

Как дореволюционные, так и послереволюционные пролетарии в подавляющем большинстве не соотносили свои социальные возможности с литературным творчеством. Тем не менее в рамках Пролеткульта и разного уровня ассоциаций пролетарских писателей – РАПП, ВАПП, УралАПП и т.п. – разрабатывалась система поддержки творчества рабочих и даже провозглашения их на создание письменных текстов [Добренко, 1999, с. 291–380; Левченко, 2007, с. 12–66; Шешуков, 1970, с. 293–302; и мн. др.].

Рассмотрим подробнее один из продуктов особой заботы о литературном творчестве рабочих – созданные пролетариями Урала автобиографические книги середины 1930-х гг.: «Я люблю» А. Авдеенко (1933), «Моя жизнь» А. Коревановой (1936), «Моя школа» А. Бондина

(1934). В первую очередь нас будут интересовать историко-литературный контекст появления этих текстов, а также концептуальные «установки», которые предопределили их появление и относительно широкую известность.

На традиционно «нелитературной» территории Урала, как и по всей стране, привлечение рабочих к художественному творчеству считалось важной идеологической задачей. Литературная страница свердловской молодежной газеты «На смену!» провозглашала: «Новые писатели нам нужны, нам необходимы новые литературные силы. Значит, наша задача – помочь начинающим писателям в их дальнейшей работе, взять над ними культурно-литературное руководство» (Резт, 1927, с. 6). Для этого в рамках работы региональных отделений ВАППа создавалась разветвленная сеть литкружков и групп (ОМПУ. КП-6026). В октябре 1929 г. в Свердловске под эгидой УралАПП открылся Кабинет начинающего писателя, ведущий учебно-методическую и консультационную работу с потенциальными авторами (Хроника, 1929; Матусевич, 1929). Комсомольская газета рапортовала о результатах «литературной учебы» в Челябинске: «Весь литературный год ... был разбит на двадцать три учебных занятия, ... было устроено около десяти широких литературных вечеров с выступлением членов ассоциации со своими произведениями. На учебных заседаниях были проработаны вопросы как самых элементарных правил писателя, так и разбор классиков. Всего членов в ассоциации насчитывается лишь 15, но посещают занятия 30–40 человек...» (Дробиз, 1928. 6 окт.). Лев Левин, освещающий в прессе итоги работы Пермской АППа за два года, подчеркивал централизацию такой учебы: «Все кружки работают по программам, присланным секретариатом Российской ассоциации пролетписателей» (Левин, 1929, с. 8; программы см.: ГАСО. Ф. 1616. Оп. 1. Д. 5).

Подсчет числа рабочих авторов занимал руководство УралАППа, ибо считался показателем эффективности организации. Так, в феврале 1929 г., выступая на Второй конференции пролетарских писателей Урала, руководитель УралАППа И. Панов сообщил, что из 300 членов ассоциации рабочих – 18 %, крестьян – 10 %, служащих и учащихся – 72 % (Вторая конференция..., 1929, с. 3). В ноябре того же года, если верить корреспонденту газеты «На смену!», рабочие составляли уже 22 % (Иньвин, 1929, с. 3), а после масштабной чистки УралАППа 1929–1930 гг., организованной тем же И.Пановым, «рабочее ядро <...> к концу 1930 г. ... увеличилось до 30 %» (Панов, 1931, с. 82). Сразу после расформирования РАППа в журнале «За Магнитострой литературы» отмечалось, что на Урале в литдвижении свыше 1,5 тыс. ударников «строек, заводов, полей» (На высший этап, 1932, с. 1).

Хотя Ассоциация неоднократно предлагала «всем пишущим товарищам сплотиться в дружные коллективы» и «повести систематическую работу в деле учебы» (ТАПП, 1928, с. 3), процесс выращивания писателей из рабочих на Урале, как и в других регионах СССР, шел трудно. Большинство «ударников» после рабочей смены не хотели заниматься непривычным делом – созданием эмоциональных отчетов о своем производственном опыте. Те же, кто добровольно шел в литературу, ориентировались на «неподходящие» образцы: символистскую поэзию, «крестьянскую» поэзию, очерк и т.п., отказывались от рекомендаций АППа. «“Крайского (автор учебника «Что надо знать начинающему писателю (выбор и сочетание слов)», рекомендованного для литературной учебы. – М.Л., Ю.П.) покупать и читать не буду!” – заявил на чистке т. Чугунов, который пишет свои стихи “нутром”, “руководствуясь ритмом”. В поэтическом хозяйстве этого, одного из способных членов ЧАППа, теоретическая база отсутствует, она ему “не нужна”. Он читал Есенина, Орешина...» (Исетский, 1930, с. 3). Деятельность локальных авторов-руководителей в Ассоциации была близка к работе «правщика писем» в газете, то есть рабкоров, селькоров, пикоров и т.п. Они, как могли, укладывали в рамки «прописей» достаточно разнородный материал, получая образчики подретушированного «наивного письма», где следы авторской небрежности и неумелости создавали у читателя ощущение аутентичности текста далекого от письменной культуры человека.

Хотя деятельность Пролеткульта и РАППа, несомненно, расширила общекультурный кругозор пролетариев Урала, способствовала объединению рабочих, заинтересованных в литературном труде, их сотрудничеству с профессиональными авторами и даже переходу в эту категорию (назовем хотя бы А. Авдеенко, А. Бондина, А. Кореванову, Б. Ручьева, М. Люгарина), все же собственно творческие результаты оказались весьма скромными. Из сотен текстов рабочих авторов самыми известными оказались автобиографические тексты, в том числе коллек-

тивный труд ста авторов-рабочих Высокогорского железного рудника (Нижний Тагил) «Были горы Высокой», организованный журналистом и писателем Ю. П. Злыгостевым. Его жанр был определен как «рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни» (Были горы Высокой, 1935), на которые обратил внимание М. Горький. Отчасти известность пролетарских автобиографий была обусловлена положением М. Горького в советской литературе. История жизни писателя, знакомая по его автобиографической трилогии и многочисленным очеркам о нем, горьковские выступления в периодике, издания, выходящие под его руководством, снискали ему репутацию покровителя и помощника рабочих авторов. Доверие к строгости Горького, статус его рекомендации были для неопытных авторов безоговорочны.

Тагильский рабочий А. Бондин озаглавил заметку, написанную к юбилею Горького, «Моему учителю» (Бондин, 1932, с. 4), А. Кореванова опубликовала материал «Учусь у вас» (Кореванова, 1932, с. 4). А. Авдеенко, машинист на строительстве Магнитогорского комбината и, как он сам себя называл, «крестник кабинета рабочего автора и Горького», автор отмеченной и рекомендованной Горьким к печати повести «Я люблю!», вспоминал позже в мемуарной книге «Наказание без преступления»:

«Всеволод Иванов (редактор книги. – М.Л., Ю.П.) перелистывает страницу за страницей и показывает, что и как сделал. Мое авторское самолюбие ни капельки не задето. Все правильно. И тут мне повезло.

– Ну, вот и все. Как видите, редактировал я и поджимал повесть, строго следуя за карандашом Алексея Максимовича. Все хорошее, по-моему, осталось в неприкосновенности. Посмотрите еще раз свежими глазами.

А чего тут смотреть? Ясно, что добра мне желают и Всеволод Иванов, и Горький. Безоговорочно согласен» (Авдеенко, 1991, с. 7).

Горький предложил иной, чем в РАПП, подход к текстам рабочих авторов. Он не побуждал авторов-рабочих писать о своих профессиональных достижениях, но отбирал уже готовые тексты, соответствующие типу развернутого жизнеописания. Горький сделал ставку на «бывалых людей», которые «по опыту жизни предназначены для бесед с миром», «в силах сказать людям нечто о своей жизни» (Горький, 1953, с. 100–103) и делают это добровольно, а не по принуждению.

При том, что Горький щедро раздавал рекомендации к печати, его комментарии к книгам рабочих авторов, как сохранившиеся в рукописях, так и публичные, были очень жесткими. В Архиве Горького есть рукописи авторов-рабочих с его дотошной правкой. Например, первая рукописная редакция (а всего их было три – и все выправлены лично Горьким) повести Галины Грековой «О счастье», опубликованной в 1935 г., более чем наполовину состоит из вычеркиваний, знаков вопроса и замечаний-окриков: «Короче, плотнее, суровой»; «Короче, короче!»; «Проще, проще, проще!!!»

Наиболее лестным было признание: «Это – сырьё, из которого со временем будут выработаны прекрасные драмы и романы, это – подлинный документ истории, которую создаёт именно масса» (Горький, 1953, с. 400). В большинстве других случаев речь идет о том, что «мы узнаем "земли родной минувшую судьбу" только тогда, когда хорошо будем представлять условия жизни и работы трудового народа, когда оценим его «"умственный багаж", накопленный веками рабской, подневольной жизни» (Горький, 1936, с. 6).

Знакомство с «умственным багажом» рабочего – вот цель, которую М. Горький открыто ставил, издавая автобиографические произведения рабочих. При этом на статус «подлинного документа истории» текст может претендовать, по мнению Горького, если в нем рассказ автора о своей жизни специфически деиндивидуализирован: «Вы пишете автобиографию, да, но все-таки Ваша личность занимает в ней слишком много места» (Горький, 2018, с. 342); «Личное у Вас слишком сильно подавляет общественное...» (Горький, 1955, с. 356).

В результате рукописи сначала многократно переделывались самими авторами, затем, по сути, переписывались штатом профессиональных редакторов (среди них – известные писатели) по указаниям М. Горького или даже им самим. После кардинальной редакторской правки, включающей доделку и переделку рукописи, содержание текста выравнивалось и книга на выходе лишалась следов «наивного письма». К читателю попадал стилистически нейтральный

текст, лишенный яркой самобытности изложения и с едва намеченной в лучшем случае авторской манерой.

Рассмотрим в качестве примера книгу А. Кореваковой «Моя жизнь», которую Горький сопроводил своим предисловием. Она родилась в 1869 г. в Ревдинском заводе в семье бывших крепостных мастеровых, в 19 лет вышла замуж, в 32 года овдовела. Работала на текстильной и спичечной фабриках, на выгрузке барж и пароходов, была сиделкой, занималась организационной и пропагандистской работой в Екатеринбурге. В 50 лет вступила в ВКП (б). В конце 1920-х – начале 1930-х гг. напечатала несколько статей в журналах, где рассказывала о собственном опыте политико-воспитательной работы в деревне. В 1932 г. Коревакова написала заметки о своей жизни и передала их Н.И.Харитонову – одному из организаторов местного отделения Союза писателей СССР. Харитонов поддержал начинающего автора и рекомендовал ей писать книгу. Автобиографическая книга «Моя жизнь», поддержанная Горьким, вышла, когда автору было 66 лет.

Автор автобиографии всегда пишет ее в границах конкретного времени, его точка зрения ограничена не только личностно-психологическими особенностями и установками, но и социально-историческим кругозором. Коревакова не исключение. Ее книга написана на склоне лет, как своеобразное подытоживание прожитого: «...Будущие строители, счастливые дети, живущие счастливой жизнью... Они не знают, как жили мы, люди, обреченные в свое время на гибель...» (Коревакова, 1936, с. 343). Хотя, подводя итоги развития уральской литературы за тридцать лет, критик А. Ладейщиков определит книгу как «"Былое и думы" уральской работницы» (Ладейщиков, 1947, с. 284), в «Моей жизни» доминирует рассказ о «былом», а собственно «думы» сводятся к развитию центрального мотива – жизнь как движение к свету (первая часть книги носит название «В темноте»).

Такое движение возможно благодаря расширению мира героини за счет чтения – ее любимого занятия в жизни: она мечтает о книгах, потом жадно проглатывает случайные книги и, наконец, получает возможность читать все, что захочет. К книге обращен ее страстный монолог «Друг», где книга определяется как мать, нянька, учитель, утешитель, мудрец, хранитель памяти (Коревакова, 1936, с. 198). Овладение грамотой, чтение и жизненный опыт приводят героиню к прозрению, которое открылось ей в зрелом возрасте. Она осознала ценность своей духовной жизни и захотела записать свой опыт: «Мне нужна поддержка, чтобы мои мысли не пропадали, как раньше пропадали, а вылились бы в крупную форму и принесли хоть какую-нибудь пользу» (Коревакова, 1936, с. 219).

М. Горький, начиная свое предисловие к книге А.Кореваковой с цитаты из поэмы «Мороз, Красный нос» Н.А. Некрасова о трех «тяжких долях» русской женщины, включил автора в общий ряд женщин-страдалиц с казалась бы predetermined судьбой. В жизни героини, конечно, огромную роль играла революция, но она не смогла бы предоставить «уральской работнице-крестьянке» столько возможностей развития, если бы не тяга Агриппины к культуре и сформированная у нее культурой потребность в рефлексии и самоосознании.

Сюжетом книги становится, таким образом, история создания книги как итога человеческой жизни. Все, что происходило в жизни героини, вело ее к собственной книге. Такое выстраивание событий соответствует тому, что мы знаем о писательнице: она тяготела к литературному труду, много раз предпринимала попытки «вести записи наиболее интересных моментов из своей жизни». В Государственном архиве Свердловской области сохранились рукописи ее пьес, рассказов, статей, заметки, стихи, наконец, дневник Кореваковой, который она вела в разные годы. Там же есть свидетельство о том, что с 1894 по 1902 г. «было писано» много стихов, рассказов, «всего около 1000 страниц» (ГАСО. Ф. 561-р. Оп. 1. Д. 28. Л. 4). Много стихотворных текстов датировано 1919–1921 гг. Поскольку эти тексты не проходили серьезной литературной обработки, они позволяют увидеть творческий потенциал автора. Наблюдательная бытописательница, которая пишет с явной опорой на готовое слово, любит натуралистические зарисовки с элементами публицистичности, при этом гибкости и образности, то есть собственно писательского таланта, в ее произведениях нет.

Однако стилевая невыразительность оказывается своеобразным преимуществом Кореваковой, так как позволяет сделать ее книгу своего рода образчиком того типа письма, который поддерживал Горький.

Героиня лишена таланта, она такая же, как многие. В предисловии к «Моей жизни» Горький оговаривает поверхностный смысл значимости ее книги как учебника жизни: «Девушки Советского Союза только тогда поймут, почувствуют всё величие работы партии Ленина, когда они познакомятся с каторжным прошлым их матерей и бабушек» (*Горький*, 1936, с. 5). Каторга прошлого – нищета, жестокость нравов, бесчеловечные условия работы человека, обреченного жить в беспросветности и в результате деградировать. Это происходит с большинством персонажей поддержанных Горьким произведений, но автобиографической героине удастся избежать такой участи, хотя она подвергается такому же социальному угнетению, как окружающие. Причина преодоления участи, судя по всему, представляет для Горького наибольший интерес. Она кроется в чтении.

Собственно, всех автобиографических героев книг рабочих авторов объединяют сначала интерес, а потом любовь к чтению. «Ты вырастила меня, ты нянчила меня, ты научила меня, ты дала мне воспитание, ты дала мне все!..» – патетически обращается к книге А. Кореванова (*Кореванова*, 1936, с. 198). «С этих пор в мое сердце и вошла любовь к книжке, точно она приоткрыла мою грудь и поселилась она там, ласковая, приветливая», – вторит ей А. Бондин (*Бондин*, 1935, с. 131). «В свободное время, когда не было поездов, жадно поглощал книги, одну за другой. Совсем недавно читал по складам, теперь пробежал страницу в мгновение. Страсть к чтению овладела мною. Читал все, что попадало под руку, без разбора», – свидетельствует Александр Авдеенко (*Авдеенко*, 1991, с. 9).

При этом, рассказывая о своей всепообеждающей любви к чтению, авторы почти не называют книг, которые произвели переворот в их душе. Только А. Кореванова оговаривается, что «из журналов знала одну “Ниву”» (*Кореванова*, 1933, №5–6, с. 76), и дает представление о составе ее библиотеки: «Дядя привозил мне книжки разного содержания – тут были и жития святых, и сказки. <...>. Были книжки “Бова Королевич”, “Туак”, “Франциль-Венциан”. Последние две мне больше нравились, потому что мысли о царях и князьях в них похожи были на те, что излагала мне бабушка» (*Кореванова*, 1933, №3, с. 48).

Не столь важно, что автобиографические герои читают, куда важнее, что благодаря книге они покидают «темноту» «страшного мира». История выживания у горьковских «крестников» всегда связана с их способностью выйти за пределы повседневных занятий, нужд и проблем в мир культуры, более высокий по сравнению с их непосредственным окружением. Иными словами, с чтением и созданием собственных текстов.

Очищенная от примеси случайностей фабула автобиографий кристаллизуется: автобиографический герой движется из ужасного «вчера» в привлекательное социальное «сегодня». При этом важнейшей составляющей «страшного мира» прошлого является собственно «пролетарская» работа, всегда в этих книгах тяжелая, отупляющая, не дающая развития, неблагоприятная.

Свое существование как «пролетария» герой читающий преодолевает, совершая важнейший для самореализации шаг: овладевает письмом. С письмом связана важнейшая для Горького тема плодотворного творческого усилия. Один из авторов книги «Были горы Высокой», журналист Григорий Быков, вспоминает: «В 1929 году я был еще хулиганом. В газете “Тагильский рабочий” поместили тогда заметку о каких-то безобразных делах на горе Высокой. Подпись дали “Быков Григорий”. А я ее не писал, да и писать не мог, потому что был неграмотный. <...> Я задумался: кто бы научил меня писать в газету? Как следует писать?» (Были горы Высокой, 1935, с. 389–390). «Вот я знаю, что не умею писать, но страстно хочу, хочу писать. Слышите?! Кричу, громко кричу, чтобы слышали все: “Помогите, научите!” <...> ... я хочу, хочу писать!» – рассказывает шестидесятилетняя Кореванова о своих переживаниях перед началом работы над автобиографией (*Кореванова*, 1935, с. 219). В предисловии к «Былям горы Высокой» М. Горький и Л. Авербах, цитируя кого-то из авторов книги без упоминания имени (скорее всего, инициатора и координатора проекта журналиста Ю. Злыгостева), рассматривают труд создания письменного текста как процесс преобразования каждого человека: «Желая изложить факты прошлого, малограмотные рабочие трудились над овладением простейшей литературной формой, культурно росли, на ходу повышали грамотность. Их задело за живое, и они становились начинающими писателями, еще сами не подозревая того» [*Горький, Авербах*, 1935, с. 7].

Усилие письма дается рабочему с колоссальным напряжением, так как связано, с одной стороны, с желанием человека молчащего описать свою жизнь публике, с другой – с необходимостью освоить принципиально новый род деятельности, требующей самодисциплины и готовности к рефлексии. Если готовность рассказать о своей жизни можно объяснить революцией с ее, пусть кажущимся авторам, интересом к рабочему, то борьба со словом обусловлена только готовностью самого человека преодолевать инерцию «многовековой почвы умственной лени и невежества» (Горький, 1953, с. 263).

Каждый из автобиографических героев переживает удивительное превращение пролетария в писателя. Чтение и письмо в автобиографических книгах рабочих авторов изображается как «достижение», результат «ударной работы» автора и государства, предоставившего ему возможность стать писателем. Грамотность и высшая ее форма – способность к творческому письму открывают возможность иного образа жизни, и Григорий Быков с удовольствием констатирует: «Выучился читать и писать. Теперь вечером сидишь, корреспонденции пишешь» (Были горы Высокой, 1935, с. 402). Вчерашний рабочий кардинально меняет свой социальный статус, занимает высшее место в символической иерархии профессий. «Никто не вызывал во мне такого преклонения, как писатели <...> Писатель, казалось мне, имеет какую-то особую душу, волшебным настроенную, способную угадывать жизнь чужой души. Он знает все о жизни людей, о природе и обо всем на свете. Видит и чувствует жизнь острее, чем обыкновенный человек...» (Авдеенко, 1991, с. 8).

Горький предлагает продуманный издательский, в первую очередь, проект: книгоописания сходного жизненного сценария – рабочий спасает себя как личность благодаря практике самоописания. По сути, тексты автобиографий рабочих выполняют роль письменного эквивалента характерных для 1930-х гг. социальных экспериментов по превращению людей, социально «обреченных на гибель» (Кореванова, 1936, с. 343), в полноценных участников советской жизни.

Горький отбирает из массы присылаемых и рекомендуемых ему рукописей тексты, когда «уверен в серьезнейшей революционно-культурной значительности... работы» автора (Авдеенко, 1991, с. 59–60), находит подтверждение собственным представлениям о потенциале советской «культурной революции», о проективных сценариях воспитания / перевоспитания человека в «мире социализма». В этом случае Горький сопровождает тексты рабочих личной редакторской правкой («Я люблю!» А. Авдеенко, «О счастье» Г. Грековой), комментариями («Моя школа» А. Бондина, «Маринкина жизнь» Е. Вашенцевой-Новиковой), предисловием («Моя жизнь» А. Коревановой).

Горький декларирует интерес к «духовному опыту рабочего человека», но результат творчества рабочих имел для него ценность скорее антропологическую, чем художественную. Поддерживаемые им авторы интересны не сами по себе, но как представители социальной группы. Главное качество Коревановой – «работница-крестьянка», еще недавно лишённая голоса. Ее рассказ о своей жизни легитимирует регламентированное редактором знание о прошлом. Ценность представляет не столько информация, сколько наличие информанта – носителя исторического опыта, создателя и обладателя самостоятельного текста.

Различные по биографическому материалу тексты укладываются в общую схему социальной интеграции человека через просвещение, рационализацию, дисциплину. Финал истории в каждом случае повторяется: автор-пролетарий приходит к необходимости записать свою жизнь. Неважно, какие книги читают рабочие авторы, важно, что им удалось, совершив мощное усилие, полноценно овладеть грамотой и стать «легальными» авторами, сосуществующими в едином поле культурного производства с носителями высокой письменной культуры.

М. Горький идет против значимой тенденции 1930-х гг., когда «высокая» культура усилиями части своих представителей стремится колонизировать саму себя, взяв в качестве господствующего Другого фигуру бывшего угнетенного» [Калинин, 2012, с. 646]. Позиция Горького – это позиция хозяина культуры, который предоставляет возможность высказаться пролетариям, не обольщаясь их «умственным багажом». Рабочие создают тексты, из которых редакторы выпалывают следы авторской «некультурности», невладения словом, признавая, что эта некультурность присутствовала, но была преодолена.

Авторы-рабочие получили право на публичную автобиографию, пройдя путь кардинальных изменений под влиянием обстоятельств (социальная революция) и собственных усилий по овладению культурой, позволивших им обрести историческое сознание и получить надежду на вторую и третью молодость. Именно это имеет в виду Александр Авдеенко, говоря со свойственной ему резкой самоуверенностью на VII Съезде советов СССР об Агриппине Коревановой: «Жизнь ее протащила, как сквозь мясорубку, сквозь все свои дыры... <...> Старуха воскресла, она начала новое летоисчисление, новую жизнь ... учит жить на своем горьком опыте молодое поколение» (Авдеенко, 1935, с. 3). Учит тому, как стать активным действующим лицом политической, социальной, культурной истории: обладающая тягой к культуре, изменившаяся под влиянием новой идеологической среды, забитая «русская женщина» оказалась в состоянии успешно освоить столь сложную форму самопредъявления, как развернутая автобиография.

Конечно, при любой самой строгой редакции авторы автобиографии могут «проговориться». За героической ипостасью главной героини Коревановой – пролетарки, в новых исторических обстоятельствах создающей текст о движении из тьмы к свету, возникает образ простодушной, всю жизнь прожившей в нищете женщины, для которой прекрасное настоящее – это первомайский «прием в Рабочем дворце» с обедом из трех блюд: «на первое – суп, на второе – жареная свинина, на третье – яблочный компот, для питья – ситро. Потом подали чай, к чаю сладкий пирог и пирог с творогом и мясом. Мы, коммунистки, обслуживали гостей, подавали обед и чай и вместе с ними обедали. На вечер всем были розданы билеты в театр, где ставили пьесу Луначарского» (Кореванова, 1936, с. 219). А начинающий писатель, вырванный волей Горького с Магнитостроя, хвастается резким изменением круга своего общения: «Ударник, призванный в литературу! Писатель! Моя книга только еще печатается, а я уже попал в компанию ста двадцати самых известных писателей, отправляющихся в край непуганых птиц, на особую стройку пятилетки, долгое время никому не известную» (Авдеенко, 1979, с. 600).

Проект, связанный с публикацией отобранных и обработанных рабочих автобиографий, демонстрирует успехи советского варианта культурной революции: потребности доселе обреченного на молчание человека приходят в соответствие с возможностями, предоставленными новым обществом. Тяга к письму как форме самовыражения легализована и более того – предписана новым обществом. Но, чтобы выполнить предписание, необходимо освоить особый – непривычный и сложный – вид деятельности. Факт смены статуса – превращения пролетария в писателя – демонстрирует достижения в производстве нового человека даже из казалось бы безнадежного «человеческого материала». Совокупность рабочих автобиографий, подготовленных к печати при участии Горького, создает ощущение закономерности историй превращения «подневольного пролетария» в «свободного творца». Не случайно эти книги пользовались поддержкой государства и читательским успехом, о чем свидетельствуют библиотечные формуляры и сохранившиеся материалы их обсуждений (Мамаева, 1934, с. 113).

В заключение отметим, что сюжетная и идеологическая предопределенность проекта по представлению пролетарских «голосов», возможно, послужила толчком к развитию еще одного уральского автора, которого выдвинула рабочая среда. П.П. Бажов не вписывался в горьковские представления о пролетарской субъективности: отталкиваясь от драматических повествований о прошлом в рабочих автобиографиях, он искусно имитировал авторство рабочих, но писал об эффективном опыте жизни неграмотного рабочего человека, творческие результаты жизни которого не сводятся к овладению чтением и письмом.

Примечания

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00221 «Эго-документы: межисточниковые диалоги о России первой половины XX в. в историко-литературном контексте»).

Список источников

Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 1616. Оп. 1. Д. 5; Ф. 561-р. Оп. 1. Д. 28. Л. 4.

Объединенный музей писателей Урала (ОМПУ). Фонд А. Исетского. КП-6026.

Авдеенко А. За что я аплодировал Сталину: Речь на VII Всесоюзном съезде советов // Правда. 1935. 1 февр. (№ 31). С. 3.

- Авдеенко А. Я люблю! Кн. 1, 2. М.: Сов. Россия, 1979. 640 с.
- Авдеенко А. Наказание без преступления. М.: Сов. Россия, 1991. 335 с.
- Бондин А. Моя школа. Свердловск: Свердловгиз, 1935. 213 с.
- Бондин А. Мой учитель // За Магнитострой литературы. 1932. № 12, 27 сент. С. 4.
- Были горы Высокой: Рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни / под ред. М. Горького, Д. Мирского. М.: Гос. изд-во истории фабрик и заводов, 1935.
- Вторая конференция пролетписателей Урала // Урал. рабочий. 1929. 21 февр. С. 3.
- Горький М. Книга рабкора Гудка-Еремеева // Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М.: Гослитиздат, 1953. Т. 25. С. 399–401.
- Горький М. Предисловие // Кореванова А. Моя жизнь. М.: Гос. изд-во истории фабрик и заводов, 1936. С. 5–6.
- Горький М. Предисловие к книге Е. Новиковой-Вашенцевой «Маринкина жизнь» // Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М.: Гослитиздат, 1953. Т. 25. С. 263–264.
- Горький М. Письмо Грековой от 8.10.1931 // Горький М. Полн. собр. соч. Письма: В 24 т. Т. 20. Август 1930–ноябрь 1931. М.: Наука, 2018. С. 341–344.
- Горький М. Письмо Грековой от 7.08.1934 // Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М.: Гослитиздат, 1955. Т. 30. С. 355–356.
- Горький М. Цели нашего журнала // Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М.: Гослитиздат, 1953. Т. 25. С. 100–103.
- Горький М., Авербах Л. О книге // Были горы Высокой: Рассказы рабочих Высокогорского железного рудника о старой и новой жизни / под ред. М. Горького, Д. Мирского. М.: Гос. изд-во истории фабрик и заводов, 1935. 433 с.
- Дробиз Б. Растем и крепнем. В Челябинской АПП // На смену! 1928. 6 окт. С. 2.
- Иньвин Б. За классовую боеспособность. Пролетарский писатель – активный участник социальной стройки // На смену! 1929. 16 нояб. С. 3.
- Исетский А. Без политических и творческих знамен. О чистке Челябинской АПП // На смену! 1930. 9 февр. С. 3.
- Кореванова А. Моя жизнь // Штурм. 1933. № 3. С. 43–55; № 5–6. С. 66–83; № 7–8. С. 85–97.
- Кореванова А. Моя жизнь. М.: Гос. изд-во истории фабрик и заводов, 1936. 342 с.
- Кореванова А. Учусь у вас // За Магнитострой литературы. 1932. № 12, 27 сент. С. 4.
- Ладейщиков А. Развитие литературы Урала за 30-летие // Урал. современник. 1947. № 11. С. 278–294.
- Левин Л. Два года работы ПАППа // 14 дней. 1929. № 1 (6). С. 8.
- Мамаева М. Л. «Я люблю» // Штурм. 1934. № 8–9. С. 113.
- Матусевич А. Беседа о литературе. ответы на стихи без адреса // На смену! 1929. 14 дек. С. 3.
- На высший этап // За Магнитострой литературы. 1932. № 1, 28 апр. С. 1.
- Панов И. О некоторых итогах. Заметки к III областной конференции УралАПП // Рост. 1931. № 2–3. С. 82–93.
- Реут В. Даешь писателей! // На смену! 1927. 6 янв. С. 6.
- ТАПП. Литературным кружкам округа // Рабочий (Нижний Тагил). 1928. 9 сент. С. 3.
- Хроника литературы // Рост. 1929. № 1. С. 91.

Библиографический список

- Боровинский М. Т. Знаки времени начала 1930-х гг. в произведениях А. Авдеенко «Я люблю», А. Бондина «Моя школа», А. Коревановой «Моя жизнь» // Дергачевские чтения – 2006. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: Матер. междунар. науч. конф. Екатеринбург, 5–7 октября 2006 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Изд. дом «Союз писателей», 2007. Т. 2. С. 49–56.
- Добренко Е. Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб.: Гуманит. агентство «Академический проект», 1999. 557 с.
- Калинин И. Угнетенные должны говорить (массовый призыв в литературу и формирование советского субъекта, 1920-е – начало 1930-х годов) // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России М.: Нов. лит. обозрение, 2012. С. 587–664.

Левченко М. А. Индустриальная свирель: Поэзия Пролеткульта 1917–1921 гг. СПб.: Б. и., 2007. 141с.

Фатющенко В.И. Русская лирика революционной эпохи (1912—1922). М.: Гнозис, 2008. 414 с.

Шешуков С.И. Неистовые ревнители: из истории литературной борьбы 20-х годов. М.: Московский рабочий, 1970. 352 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 26.10.2020

AUTHORSHIP AS "THE ACHIEVEMENT OF THE WORKING MAN" IN THE AUTOBIOGRAPHICAL BOOKS OF URAL WORKERS OF THE 1930s

М. А. Litovskaya, Iu. S. Podlubnova

Institute of History and Archeology, Ural Branch, Russian Academy of Sciences, S.Kovalevskaya str., 16, 620108, Yekaterinburg, Russia

marialiter@gmail.com

tristia@yandex.ru

The article analyzes the phenomenon of the so called author-worker, who turned to literary creativity and created a fictional autobiography, in which the living conditions of the proletarian before and after the revolution of 1917 were opposed. In the historical and literary context, the author considers, in particular, the role of the UralAPP, which predetermined the creation of the novels "I Love" (1933) by Aleksandr Avdeenko and "My Life" (1936) by Agrippina Korevanova, the story "My School" (1934) by Aleksei Bondin, and memoirs of workers of the Vysokogorsky iron mine "True stories of the mount Vysokaya" (1935). The role of Maksim Gorky in the final editing and publication of these works is noted. In the 1930s, he repeatedly attempted to find the sources for "human rebirth" under the influence of new living conditions. Institutionally, these efforts resulted in the creation of a number of autobiographical books – "historical documents", by Gorky's definition, the authors of which – the proletarians, exotic for the written culture, demonstrated the emergence of a new Soviet subject. They created texts from which the editors removed most of the traces of the author's lack of culture, lack of mastery of the word, leaving the hero's story about overcoming lack of culture. The autobiographical hero, endowed with the will to culture, emerges from the "darkness", an important part of which is the very proletarian existence. Reading and then writing are portrayed as the main result of the "shock work" of the author and the state, which provided the subject with the opportunity to master a complex form of self-presentation – a detailed fictional autobiography, become a writer and change radically his social status, taking the highest place in the symbolic hierarchy of professions in the same field as the well-known "masters" of written culture.

Key words: Soviet literature, fictional ego-text, Maksim Gorky, Aleksandr Avdeenko, Agrippina Korevanova, Aleksei Bondin.

References

Avdeenko, A. (1935), "Why I applauded Stalin. Speech at the 7th All-Union Congress of Soviets", *Pravda*, 1 fevralya (№ 31), p. 3.

Avdeenko, A. (1979), *Ya lyublyu!* [I love!], Sovetskaya Rossiya, Moscow, Russia, 640 p.

Avdeenko, A. (1991), *Nakazanie bez prestupleniya* [Punishment without crime], Sovetskaya Rossiya, Moscow, Russia, 335 p.

Bondin, A. (1932), "My teacher", *Za Magnitostroy literatury*, no 12, 27 sentyabrya, p. 4.

Bondin, A. (1935), *Moya shkola* [My school], Sverdlgiz, Sverdlovsk, Russia, 213 p.

Borovinskiy, M. T. (2007), "The signs of the early 1930s in novels «I love!» by A.Avdeenko, «My school» by A.Bondin, «My life» by A. Korevanova", in *Dergachevskie chteniya – 2006. Russkaya literatura: natsional'noe razvitie i regional'nye osobennosti* [Dergachev readings 2006. Russian literature: national development and regional features], vol.2, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta; Izdatel'skiy dom «Soyuz pisateley», Yekaterinburg, Russia, pp. 49–56.

"Chronicle of literature" (1929), *Rost*, № 1, p. 91.

Dobrenko, E. (1999), *Formovka sovetskogo pisatelya. Sotsial'nye i esteticheskie istoki sovetskoy literaturnoy kultury* [The making of the state writer: social and aesthetic origins of Soviet literary culture], Gumanitarnoe agentstvo "Akademicheskii proekt", St. Petersburg, Russia, 557 p.

Drobiz, B. (1928), "We are growing and getting stronger! In the Chelyabinsk APP", *Na smenu!*, 6 oktyabrya, p. 2.

Fatyushchenko, V.I. (2008), *Russkaya lirika revolyutsionnoi epokhi: (1912—1922)* [Russian lyrics of the revolutionary era: (1912--1922)], Gnozis, Moscow, Russia, 414 p.

- Gor'kiy, M. & Mirskiy, D. (ed.) (1935), *Byli gory Vysokoi: rasskazy rabochikh Vysokogorskogo zheleznogo rudnika o staroi i novoi zhizni* [True stories of mountain Vysokaya: stories of the workers of the Vysokogorsk iron mine about the old and new life], Gosudarstvennoe izdatel'stvo istorii fabrik i zavodov, Moscow, Russia, 433 p.
- Gor'kiy, M. (1936), "Foreword", in Korevanova, A., *Moya zhizn'* [My life], Gosudarstvennoe izdatel'stvo istorii fabrik i zavodov, Moscow, Russia, pp. 5–6.
- Gor'kiy, M. (1953), "Foreword to the book of E. Novikova-Vashentseva «Marinka's life»", in Gor'kiy, M., *Sobranie sochineniy, V 30 tomakh* [Collected works: in 30 volumes], vol. 25, Goslitizdat, Moscow, Russia, pp. 263--264.
- Gor'kiy, M. (1953), "Work correspondent Gudok-Eremeev's book", in Gor'kiy, M., *Sobranie sochineniy, V 30 tomakh* [Collected works: in 30 volumes], vol. 25, Goslitizdat, Moscow, Russia, pp. 399--401.
- Gor'kiy, M. (2018), "Letter to Grekova, 8.10.1931", in Gor'kiy, M., *Polnoe sobranie sochineniy. Pis'ma: v 24 tomakh* [Complete works. Letters: in 20 volumes.], vol. 20, *Pis'ma. Avgust 1930- noyabr' 1931*, Nauka, Moscow, Russia, pp. 341--344.
- Gor'kiy, M. & L. Averbakh, (1935), "About this book", in Gor'kiy M. & Mirskii D. (ed.), *Byli gory Vysokoy: rasskazy rabochikh Vysokogorskogo zheleznogo rudnika o staroi i novoi zhizni* [True stories of mountain Vysokaya: stories of the workers of the Vysokogorsk iron mine about the old and new life], Gosudarstvennoe izdatel'stvo istorii fabrik i zavodov, Moscow, Russia, pp.5–10.
- Gor'kiy, M. (1953), "Letter to Grekova, 7.08.1934", in Gor'kiy, M., *Sobranie sochineniy, V 30 tomakh* [Collected works: in 30 volumes], vol. 30, Goslitizdat, Moscow, Russia, pp. 355-356.
- Gor'kiy, M. (1953), "The goals of our magazine", in Gor'kiy, M., *Sobranie sochineniy, V 30 tomakh* [Collected works: in 30 volumes], vol. 25, Goslitizdat, Moscow, Russia, pp. 100--103.
- In'vin, B. (1929), "For class combat capability. Proletarian writer is an active participant in the social construction", *Na smenu!*, 16 noyabrya, p. 3.
- Isetskiy, A. (1930), "Without political and creative banners. About 'cleaning' in the Chelyabinsk APP", *Na smenu!*, 1930, 9 fevralya, p. 3.
- Kalinin, I. (2012), "The oppressed must speak (a mass call to literature and the formation of a soviet subject, the 1920s – early 1930s)", in Etkind, A., Uffelman, D. & I. Kukulin (eds.), *Tam, vdali. Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii* [There, inside. Practices of internal colonization in the cultural history of Russia], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, pp. 587–664.
- Korevanova, A. (1932), "I'm learning from you", *Za Magnitostroy literatury*, № 12, 27 sentyabrya, p. 4.
- Korevanova, A. (1933), "My life", *Shturm*, № 3, pp. 43–55; № 5–6, pp. 66–83; № 7–8, pp. 85–97.
- Korevanova, A. (1936), *Moya zhizn'* [My life], Gosudarstvennoe izdatel'stvo istorii fabrik i zavodov, Moscow, Russia, 342 p.
- Ladeyshchikov, A. (1947), "Development of the Ural literature for thirty years", *Ural'skiy sovremennik*, №11, pp. 278 –294.
- Levchenko, M. A. (2007) *Industrial'naya svirel': Poeziya Proletkul'ta 1917–1921 gg.* [Industrial pipe: the poetry of the Proletkult, 1917 – 1922], SPGUTD, St. Petersburg, Russia, 141 p.
- Levin, L. (1929), "Two years of PAPP", *14 dney*, № 1 (6), p. 8.
- Mamaeva, M. L. (1934), "I love", *Shturm*, № 8–9, p. 113.
- Matusevich, A. (1929), "Conversation about literature. Answers to poetry without address", *Na smenu!*, 14 dekabrnya, p. 3.
- Panov, I. (1931), "Some of the results. Notes for the third regional conference of UralAPP", *Rost*, № 2–3, pp. 82–93.
- Reut, V. (1927), "Give writers!", *Na smenu!*, 6 yanvarya, p. 6.
- Sheshukov, S.I. (1970), *Neistovye revniteli: iz istorii literaturnoy bor'by 20-kh godov* [Furious zealots: from the history of the literary struggle of the 1920s], Moskovskiy rabochiy, Moscow, Russia, 350 p.
- "TAPP. Literaturnym kruzhkam okruga" (1928), *Rabochiy (Nizhniy Tagil)*, 9 sentyabrya, p. 3.
- "The Second Conference of Ural proletarian writers" (1929), *Ural'skiy rabochiy*, 21 fevralya, p. 3.
- "To the highest stage!" (1932), *Za Magnitostroy literatury*, № 1, 28 aprelya, p. 1.